

НАЦИОНАЛЬНАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

УДК 330.15:34

М.Б. Алексеева, В.Ф. Богачев, Н.П. Веретенников, В.С. Жаров **СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ НОРМАТИВНОЙ БАЗЫ** **ОБЕСПЕЧЕНИЯ УСТОЙЧИВОГО РЕГИОНАЛЬНОГО** **ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ**

Рассматриваются вопросы перехода к рентным платежам за использование водных биологических ресурсов в сфере рыболовства с целью обеспечения устойчивого развития системы регионального природопользования.

Ключевые слова: теория ренты; нормативная база природопользования; система устойчивого развития природопользования; водные биологические ресурсы; налоговая политика; рента; рентные платежи; квоты.

We look at issues concerning the transition to rent payments for using water biological resources in fishing sphere to secure sustainable development of regional nature management system.

Keywords: rent theory; normative basis of nature management; system of sustainable development of nature management; water biological resources; tax policy; rent; rent payments; quotas.

Научно обоснованная методология исчисления рентных доходов в природопользовании ведет свой отсчет от Д. Рикардо (начало XIX века), который внес важные дополнения в аналитические построения своих предшественников – физиократов В. Петти, А. Смита, использовавших при оценке земельной ренты средние значения расчетных параметров. Д. Рикардо отказался от подобной практики и по-новому сформулировал закон земельной ренты, который гласит: «сумма земельной ренты определяется избытком производимой на ней продукции в сравнении с той, какую может дать наименее плодородная земля, используемая таким же образом». Он доказал, что рента от «первоначальных сил» или «свободных даров» природы – не произвольная величина. Она строго детерминирована и представляет собой доход на земельную собственность сверх минимального дохода, при котором на эту землю будет еще кто-нибудь претендовать. Однако и худшие земли по мере роста ресурсных ограничений и научно-технического прогресса

могут вовлекаться в производство, повышая ренту на ранее используемых землях [6. С. 67–71]. Ученики Д. Рикардо к середине XIX века создали стройную концепцию изъятия ренты в доход государства, основные положения которой сохраняются и поныне.

В начале XX века первый экономист новой формации А. Маршалл подвел итоги исследования теории ренты предшественниками и подтвердил, что при исчислении ренты следует принимать во внимание такие показатели, как «предельная отдача», «предел обработки», «последняя доза капитала», «избыточный продукт земли», а также не упускать из виду, что «самая бедная земля», как и «самая бедная шахта регулирует цену» [3. С. 133]. Эти наименее плодородные земли или наименее продуктивные участки добычи природных ресурсов экономисты называют «границей производства», «замыкающими условиями» или «предельной производительностью».

А. Маршалл привлек внимание к исключительной важности теории ренты в

системе экономических знаний и необходимости совершенствования ее с учетом меняющихся обстоятельств. Он считал, что растущие возможности человека воздействовать на запасы природных ресурсов «примут в будущем гораздо более широкий и глубокий характер, нежели это было в прошлом», поэтому актуальность теории ренты будет возрастать [4. С. 226–227].

К основной заслуге А. Маршалла в процессе совершенствования теории ренты следует отнести то, что он уточнил многие положения Д. Рикардо и установил особенности оценки ренты в случаях возобновляемых и невозобновляемых ресурсов: для земель разного назначения, на рыбных промыслах, в горнорудной промышленности, «ренты, обусловленной редкостью» и т.д.

Для обоснования методов установления природной ренты, включая и рыбопромысловую, можно выделить еще один из выводов А. Маршалла. Он гласит: «Чистая рента в строгом смысле этого слова едва ли где-нибудь встречается; почти весь доход от земли содержит более или менее важные элементы, которые проистекают из усилий, вложенных в строительство домов и сараев, в осушение земель и т.д. Но экономисты научились выявлять многообразную природу таких сложных понятий, которые в повседневной речи именуется рентой, прибылью, заработной платой и т.д. И, наподобие химика, они могут "выявить подлинные свойства каждого элемента"» [3. С. 133].

Действительно, что касается земельных участков, то для них рента от первоначальных или «свободных даров» природы или, как ее называют в теории, рикарданская рента, давно не существует. Однако она сохранилась в рыболовстве, что облегчает возможности «выявления подлинных свойств» рентиобразующих факторов. Никто из великих экономистов прошлого не ставил задачу добиться «аптекарской точности при исчислении природной ренты. Тем не менее, они предостерегали от попыток государства при сборе ренты выходить за допустимые рамки, то есть покушаться на прибыль, необхо-

димо для расширенного воспроизводства. В данном случае лучше не добрать, чем перебрать, и для устранения возможности неоправданного изъятия вместе с рентой и прибыли там, где только это возможно, пытаться сводить все налоги к рентным платежам.

Можно отметить, что уже к началу XX столетия был создан тот аналитический задел, который позволял теории ренты найти широкое практическое применение. Для выявления рентных доходов требовалось:

- провести сравнение экономических результатов добычи ресурсов в лучших и худших условиях в единой государственной системе их учета;
- обеспечить сопоставимость привлекаемых для расчета данных;
- периодически (чем чаще, тем лучше) переоценивать налогооблагаемый потенциал используемых ресурсов.

Вместе с тем, нельзя не видеть, что практическая реализация теории ренты была связана с привлечением для анализа значительной информации, что при неразвитости технических средств в прошлом существенно ограничивало возможности объективных оценок рентного дохода.

Известно, что природная рента представляет собой доход, равный разнице рыночной цены и «цены производства». Западные экономисты предлагают исчислять ее по формуле: *Рента = Денежный поток – Издержки использования капитала*, то есть:

$$R = G - C - K(i + d), \quad (1)$$

где R – рента; G – сырье в рыночных ценах; C – текущие издержки на его добычу; K – капитал; i – банковский процент; d – норма амортизации; $G - C =$ денежный поток; $K(i + d)$ – издержки использования капитала.

Аналогичные методы применяют и российские исследователи. К примеру, Л.А. Тропко [7] для определения горной ренты использует формулу:

$$P = B - HЗ - НП, \quad (2)$$

где B – выручка от реализации сырья в рыночных ценах; $HЗ$ – нормативные затраты с учетом применения наиболее эффективной технологии добычи сырья, ус-

танавливаемые на основе экономической оценки конкретного месторождения; $НП$ – нормальная прибыль, устанавливаемая на основе среднеотраслевой нормы рентабельности, необходимой для расширенного воспроизводства.

Авторы придерживаются аналогичной точки зрения на методы определения природной ренты и полагают, что в рыночных условиях не исчерпали себя методы установления ренты, применявшиеся в плановой экономике. Имеет смысл напомнить, что к началу 1980-х гг. Центральным экономико-математическим институтом РАН (ЦЭМИ РАН) были обобщены результаты исследований по методам применения рентных оценок в природопользовании [1]. В 1985 г. они были закреплены в Методике экономической оценки важнейших видов природных ресурсов в странах-членах СЭВ, которая стала методическим руководством для денежной оценки природных ресурсов, как в СССР, так и в Восточной Европе.

В основе методологии ЦЭМИ РАН лежала сравнительная экономическая оценка отдельных видов природных ресурсов с учетом многообразия полезных эффектов, получаемых от их использования, как в настоящее время, так и в перспективе. Ренту предлагалось исчислять по разности совокупных затрат (или «цен» производства) на добычу сырья в замыкающих (предельных) и конкретных (оцениваемых) условиях. Поскольку главным требованием экономической оценки была максимизация природной ренты, при расчетах ее принимались не фактические (часто неудовлетворительные) а максимально возможные результаты при наиболее эффективном способе добычи. Уровень замыкающих затрат должно было устанавливать государство на какой-то отрезок времени при заданных ресурсных и экологических ограничениях. С учетом изложенных требований расчет ренты предлагалось проводить по следующей формуле:

$$R = \max \alpha_j q_j (Z_j - S_j), \quad (3)$$

где R – природная рента; Z_j – удельные совокупные затраты на добычу j -го природного ресурса в замыкающих условиях;

S_j – удельные совокупные затраты на добычу природного ресурса в оцениваемых условиях; q_j – объем добычи; α_j – коэффициент, отражающий динамику используемых в расчетах показателей (Z_j, S_j, q_j).

При этом совокупные затраты представляли собой сумму текущих и приведенных капитальных затрат, то есть:

$$(C + EK), \quad (4)$$

где C – текущие затраты; E – нормативный коэффициент эффективности капитальных вложений; K – капитальные вложения.

Методы экономической оценки природных ресурсов рассматривались как одно из направлений теории оптимального планирования, поэтому выбор наиболее эффективного варианта добычи ресурсов (максимизация природной ренты) предлагалось проводить в рамках составления перспективных планов размещения производительных сил. «Правильное исчисление и систематический учет ренты, – писал в 1959 г. на этот счет лауреат Нобелевской премии академик Л.В. Канторович, – дает возможность наиболее целесообразно использовать природные источники, не допуская их случайного, неполного и нерационального использования. Кроме того, учет ренты в оценке продукции... уравнивает условия производства для разных источников, обеспечивая рентабельность везде, где производство рационально. Величина последней (*дифференциальной ренты*) определяется той экономией труда, которую дает использование этих источников в оптимальном плане» [2. С. 121–122].

Методология ЦЭМИ РАН впитала в себя многие идеи развития теории ренты и по принципиальным позициям не отличалась от методов расчета природной ренты, предлагаемых западными учеными, поскольку в основе расчетов в плановой экономике также лежали параметры предельной производительности. Отличия же состояли в том, что в основе исчисления ренты в рыночной экономике лежали постоянно меняющиеся рыночные цены, а в плановой экономике государство устанавливало фиксированные цены, поэтому рентный доход исчислялся по разнице

приведенных затрат, то есть «цен» производства.

В этой связи можно констатировать, что у реформирующей экономической системы России не было ни концептуально-методических, ни административных, ни правовых причин, препятствующих изъятию государством рентных доходов. Если бы исследования по методам стоимостной оценки природно-ресурсного потенциала развивались темпами, набранными до начала реформ, за непродолжительное время могла бы сложиться гибкая система оценок, позволяющая улавливать рыночные сигналы и вносить коррективы в ставки платы за ресурсы с учетом складывающейся рыночной конъюнктуры.

Казалось бы, при наличии современных информационно-аналитических технологий и множасьихся направлений их прикладного использования с проблемой измерения рентных доходов не должно возникать непреодолимых преград. Более того, эта задача должна стать одним из приоритетных направлений использования этих технологий в природопользовании. Однако этого не произошло. Научные заделы по проблемам, столь важным для жизнеобеспечения страны таких размеров, как Россия, оказались не востребованными, а созданная ЦЭМИ РАН школа рентных оценок в отраслевых институтах, включая рыбохозяйственные, была разрушена.

Возникает резонный вопрос: в чем причины такого парадокса? Ответ на него можно найти в истории развития экономических теорий: как только находятся политики, готовые вывести теорию из области научных дискуссий в практику, на их пути воздвигаются барьеры. Их выстраивают те, кто наращивает свои богатства за счет приватизации рентного дохода.

Впервые беспрецедентные меры против практического использования теории ренты были предприняты в третьей четверти XIX века. Тогда многие политические движения включили в свои программы задачу изъятия ренты в доход общества в качестве центральной, то есть появилась реальная возможность удовлетворять

общественные потребности за счет природной ренты. Попытки политиков, к сожалению, не увенчались успехом. Практическая реализация теории была приостановлена под лозунгом острой необходимости обновления экономической науки, ее терминов, понятий и особенно математического аппарата. Классическая политэкономия вместе с теорией ренты была мгновенно свергнута с пьедестала, а ее место заняла неоклассическая экономика. Это событие в истории развития экономической науки носит название «маржиналистской революции», или революции «предельной полезности» (начало 1870-х). Действительно, в классической науке было много гипотез и не всегда хватало рабочего инструментария. Однако математический аппарат и в новой экономике появился не сразу. На протяжении многих десятилетий, начиная с Д. Рикардо, он развивался в недрах классической политэкономии и был вполне пригоден для оценки рентных доходов. Так что никаких революционных перемен в экономике не требовалось, она могла и дальше развиваться эволюционно. Перемены же потребовались, чтобы избавиться от теории, ставшей опасной для тех, кто паразитирует на приватизации чистых доходов общества.

Новая концепция экономики (НКЭ) вместе с обретением математического аппарата до неузнаваемости исказила положения теории о роли природной ренты в жизни общества. Она объединила землю и другие богатства природы с физическим капиталом и перестала рассматривать их в качестве самостоятельного явления в экономике. Рента была уравнена с доходами от вложений капитала и труда и стала представляться как заурядная прибыль. Подобный маневр позволил избавиться от идей о справедливом распределении в обществе рентного дохода. И сделано это было, как утверждает профессор М. Гэффни (США), с целью запутать политиков и экономистов, стремящихся постичь суть теории ренты и реализовать ее положения на практике. Более того, из учебников по экономике исчезли имена ученых, обосновавших необходимость формиро-

вания государственных доходов преимущественно за счет налогообложения природной ренты. С воцарением НКЭ доход общества стал формироваться за счет налогов на заработную плату и прибыль. Это привело к современной налоговой системе, которая собирает гораздо больше средств с честных налогоплательщиков, чем с олигархов и иных «искателей ренты».

Для принижения значимости природной ренты в системе государственных финансов продолжают использоваться явно ненаучные приемы. В том числе замалчивание возможностей использования альтернативных систем сбора налогов и более справедливого распределения в обществе богатств природы; подкуп ученых для написания политических фальшивок; наклеивание ярлыков (типа «марксисты») на тех, кто занимается поиском методов изъятия природной ренты в государственную казну, и т.д. Особенно преуспевают в этом неблагоприятном деле наиболее ортодоксальные ответвления неоклассических теорий, в частности монетаризм, которые щедро оплачиваются и пропагандируются теми, кто строит свое благополучие на приватизации ренты.

В мировой системе рыболовства из-за погони за рентными доходами рост браконьерства, масштабы истощения ВБР, пользующихся повышенным спросом на мировых рынках, и коррупция на рыбных промыслах приобрели планетарный характер. В отчетах по глобальным проектам UNEP по оценке потерь биоразнообразия и социально-экономической оценке международных вод именно погоня за сверхприбылями в рыболовстве квалифицируются как корневая причина перелова запасов ВБР практически во всех экономзонах. Изменить ситуацию с переловом основных объектов промысла сложно, ибо владельцы гигантских квот имеют достаточный вес при навязывании выгодных им политик и режимов рыболовства в глобальных масштабах. Главной целью этих политик является сохранение любым способом возможности приватизации рыбной ренты.

Ежегодный ущерб от браконьерства и

«теневых» оборотов в России оцениваются по экспертным оценкам в 2–2,5 млрд. долл. США [9]. Естественно, что, обладая такими скрытыми от налогов доходами, дельцы «теневого» сектора в рыболовстве имеют реальную власть, чтобы проводить в парламенте законы, позволяющие уклоняться от оплаты права пользования лучшими условиями добычи ВБР. Их устраивает миф, что наиболее точным способом выявления рентных доходов являются свободные аукционы, где истинная рыночная ценность ресурсов определяется автоматически по готовности покупателя выложить определенную сумму за права добычи ВБР.

На практике аукционы, на которых осуществляется спекулятивная скупка прав в рыболовстве, стали обладателями крупных капиталов. При этом только перекупщик квот и коррумпированный чиновник, распределяющий права, имели представление о доле ренты в цене права на промысел. Эта информация превратилась в их обоюдную тайну, позволяющую вести сговор о цене продажи квот так, чтобы получить взаимную выгоду. То есть в реальной жизни не существует абсолютно свободных аукционов, которые бы позволяли выявить ренту. Аналогичная ситуация и при продаже на аукционах прав лесопользования, землепользования и т.д., что вынуждает западных исследователей признавать, что аукционы являются малоэффективным способом выявления рентных доходов в природопользовании.

Поэтому в дискуссиях относительно методов определения ренты в западных литературных источниках широко распространен термин «улавливание». «Улавливать» ренту разными приемами приходится потому, что все параметры, необходимые для ее расчетов, мало достоверны. Как уже отмечалось, цены на сырьевых рынках подвержены серьезной деформации из-за неэластичности предложения сырья и сговора монополистов, а учет и отчетность в большинстве сырьевых отраслей таковы, что не дают возможности выявить истинный уровень эксплуатационных затрат. Это обстоя-

тельство позволяет списывать на легальную часть добытого сырья издержки на нелегальные обороты. От налоговых и иных контролирующих органов под завесой пресловутой коммерческой тайны скрыты огромные сверхдоходы, так как из «теневой» сферы не поступают объективные рыночные сигналы.

В связи с непрозрачностью информации о ситуации с выявлением рентных доходов в рыболовстве возникает целый ряд вопросов:

1. Почему ресурсы общенациональной собственности передаются в пользование при полной непрозрачности экономических результатов добычи?

2. Почему общество должно мириться с данными официальной статистики о нерентабельности промысла при том, что уровень нелегальных оборотов по оценкам экспертов значительно превышает поступления в бюджет от распределенных прав пользования ВБР?

3. Разве не предлагает рыночная теория использование нерыночных методов установления ренты там, где рыночные методы терпят фиаско?

4. Почему общество не может передавать ВБР в пользование на приемлемых для себя и большинства рыбаков условиях, то есть на уровне общественно приемлемых для двух сторон издержек и доходов?

5. Разве предприниматели, выходя на промысел, не рассчитывают получить прибыль и, очевидно, получают ее, в ином случае давно бы прекратили заниматься этим видом деятельности?

6. Почему от сложившихся условий распределения прав в рыболовстве страдают, прежде всего, честные рыбаки, исправно платящие налоги?

7. Если монополисты сговариваются об уровне рыночных цен, то почему бы в национальных границах не определять рыбную ренту не по разнице рыночных цен и завышенных издержек, а по разнице нормативных издержек в предельных и конкретных условиях промысла, или же посредством использования для исчисления ренты расчетных (нормативных) цен, как это практиковалось в плановой эко-

номике и практикуется в Норвегии?

8. Почему бы на аукционах не выставлять на конкурс квоты под гарантию обеспечения квотодержателями общественно приемлемых издержек по разным типам судов, видам и зонам промысла, а значит, и поступлений платы за ВБР после их вылова? Логика должна быть такова: принимаешь данные условия, ведешь промысел честно, исправно оплачиваешь право пользования общенациональными ресурсами, – добывай. Не хочешь принимать предлагаемые условия, – твое место займут другие, ибо рынок предложения труда избыточен.

Перечень вопросов о методах управления использованием ВБР можно продолжить. Но и перечисленных достаточно, чтобы понять, что ответ на них связан с решением четырех основных проблем:

1) совершенствование методов установления нормальных/нормативных издержек и доходов в рыболовстве;

2) создание такой информационно-аналитической системы поддержки расчетов рыбопромысловой ренты, которая бы более всего соответствовала быстро меняющимся условиям рыболовства;

3) устранение на рыбных промыслах всех деструктивных налогов и введение взамен их понятной для рыбаков системы сборов за право пользования ВБР;

4) значительное сокращение контролеров и поверяющих.

В заключение следует отметить, что реализация на практике системы рентного налогообложения может осуществляться в виде дифференцированных по районам и объектам промысла ставкам платы за право лова того или иного объекта промысла; дифференцированных закупочных цен на морепродукты для потребностей внутреннего рынка. Выбор одного из вариантов можно осуществить лишь после изучения преимуществ и недостатков предлагаемых нормативных систем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гофман К.Г. Экономическая оценка природных ресурсов в условиях социальной экономики. М.: Наука, 1977. 236 с.

2. *Канторович Л.В.* Экономический расчет наилучшего использования ресурсов. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 351 с.

3. *Маршалл А.* Принципы экономической науки. М.: Прогресс-Универс, 1993. Т. II. 311 с.

4. *Маршалл А.* Принципы экономической науки. М.: Прогресс-Универс, 1993. Т. I. 416 с.

5. *Милль Дж.Ст.* Основы политической экономии. М.: Прогресс-Универс, 1993.

6. *Рикардо Д.* Начала политической экономии и налогообложение. М.: Госполитиздат, 1955. Т. 1. 380 с.

7. *Тропко Л.А.* Экономический механизм государственного регулирования отраслей топливно-энергетического комплекса: автореф. дис. ... докт. экон. наук. М., 2004. 44 с.

8. *Яременко Ю.В., Узяков М.И., Ксенофонтов М.Ю.* Экономические реформы в России: анализ результатов и необходимость альтернативы // Реформы глазами американских и российских ученых. М.: РЭЖ; Фонд «За экономическую грамотность», 1996. С. 147–162.

9. HEADLINE: Putin calls for developing Russian fishing industry – add // TASS. 2000. July 24.